
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.М. КУЧИНОВ

**ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО ФАКТОРА
В ПОЛИТИКЕ (ПО РАБОТАМ К. БОРКА)**
(Сводный реферат)

Arnoldi J., Borch C. Market crowds between imitation and control // *Theory, culture & society*. – L.: SAGE, 2007. – Vol. 24. N 7–8. – P. 164–180.

Borch C. Crowds and economic life: Bringing an old figure back in / Centre for the study of invention and social process, Goldsmiths College, 2005. – Mode of access: http://www.gold.ac.uk/media/borch_crowds_economic.pdf (Accessed 14.09.2014.)

Borch C. Urban imitations: Tarde's sociology revisited // *Theory, culture & society*. – L.: SAGE, 2005. – Vol. 22, N 3. – P. 81–100.

Borch C. Crowds and pathos: Theodor Geiger on revolutionary action // *Acta sociologica*. – L.: SAGE, 2006. – Vol. 49, N 1. – P. 5–18.

Borch C. Crowds and total democracy: Hermann Broch's political theory // *Distinktion: Scandinavian journal of social theory*. – L.: Routledge, 2006. – Vol. 7, N 2. – P. 99–120.

Borch C. The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational // *European journal of social theory*. – L.: SAGE, 2006. – Vol. 9, N 1. – P. 83–102.

Borch C. Crowds and economic life: Bringing an old figure back in // *Economy and society*. – L.: Routledge, 2007. – Vol. 36, N 4. – P. 549–573.

Borch C. Modern mass aberration: Hermann Broch and the problem of irrationality // History of the human sciences. – L.: SAGE, 2008. – Vol. 21, N 2. – P. 63–83.

Borch C. Body to body: On the political anatomy of crowds // Sociological theory. – L.: SAGE, 2009. – Vol. 27, N 3. – P. 271–290.

Borch C. Between destructiveness and vitalism: Simmel's sociology of crowds // *Conserveries mémorielles. Revue transdisciplinaire de Jeunes Chercheurs.* – Marseille: Cléo Revues.org. – 2010. – N 8. – Mode of access: <http://cm.revues.org.sci-hub.org/744> (Accessed 14.09.2014.)

Borch C. The politics of crowds: An alternative history of sociology. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2012. – VII, 338 pp.

Borch C.

The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational (2006)

В статье автор рассматривает традицию социологии толпы в историко-социологическом контексте, пересказывает содержание их учений. Среди ученых XIX в. упоминаются итальянец Шипио Сигеле, французы Г. Лебон и Г. Тард (р. 85–88).

Среди следующего этапа К. Борк отмечает Чикагскую школу. Здесь он говорит о диссертации «Толпа и общественность» Роберта Парка (1904) [Park, 1972] и книге «Введение в науку социологии» Р. Парка и Эрнст Бёрджесса (1921) [Park, Burgess, 1921], «Психологии внушения» Бориса Сидиса (1898) [Sidis, 1898], уподоблявшего массовое поведение «эпидемии». Свой вклад в социологию толпы сделал Герберт Блумер, который, «как и Р. Парк... колеблется между иррациональностью толпы и ее творческим потенциалом», говорит о позитивной роли толпы как преобразователя (р. 88–90).

К. Борк также упоминает в качестве продолжения исследований толпы символический интеракционизм Джорджа Г. Мида (через использование в какой-то мере тардианской традиции в теории имитации) и «Структуру социального действия» Толкотта Парсонса (связь с традицией Тарда через Альфреда Маршалла, Вильфредо Парето, Э. Дюркгейма и М. Вебера) (р. 90–93).

Далее в истории социологии наступил этап, в котором традиция исследований толпы как чего-то нерационального сменилась

исследованиями рационального выбора. Первой американской книгой, частично опирающейся на традицию социологии толпы, К. Борк называет «Коллективное поведение» Ральфа Тернера и Льса Киллиана (1957), повторивших положение Г. Тарда об эмерджентности (несводимость результата к исходным составляющим) толпы [Turner, Killian, 1957]. Тернер и Киллиан считали, что в коллективном поведении невозможно различить рациональное и нерациональное действия. Далее автор рассматривает «Теорию коллективного поведения» Нейла Смелзера (1962) [Smelser, 1962], который более исследует проблему социологически, чем психологически. Он пытается изучить «„условия, при которых возникают новые нормы и утверждаются через нормативно-ориентированные движения” среди других аспектов социального действия». Автор упоминает «Коллективную динамику» К. и Г. Лангов (1961) [Lang, Lang, 1961], которые предполагают ранжировать степень рациональности действий людей в толпе как континуум, и «Логику коллективного действия» М. Олсона (1965) [Olson, 1965], который сгруппировал в своем исследовании многие предыдущие теоретические наработки (р. 93–95).

В конце статьи автор называет некоторые современные исследования толпы. Как исследователя «в семантике толпы... социологии и психологии, политики и символов и т.д.» К. Борк называет Хельмута Кёнига [König, 1999]. Также в качестве толпы можно исследовать феномены протеста, хулиганства, паники, суматохи, религиозные практики, финансовые спекуляции, моду, структуру потребления и т.п. В качестве современных исследований К. Борк называет и «новый витализм», заявляющий о нелинейности развития толпы; перечисляет Славоя Жижека [Zizek, 2004], А. Негри и М. Хардта (р. 95–97)

Borch C.
Urban imitations: Tarde's sociology revisited (2005)

Автор констатирует новый интерес к социологии Г. Тарда, показывает ее достоинства в эпоху постмодерна, предлагает новое прочтение. По мнению К. Борка, есть необходимость в возрождении теорий Г. Тарда для решения современных вопросов; он приводит сходства теорий Г. Тарда и системной социологии Никласа

Лумана – внимание к феномену коммуникации. Разделение Н. Луманом систем на физические и социальные «проливает свет на проект Г. Тарда и демонстрирует, что он не должен быть уволен за якобы психологизм. Наоборот, Г. Тард резко разграничивает изобретение, которое не социально, и подражание, которое – чисто социальный феномен». Но К. Борк также и отмечает различия в теориях двух социологов относительно пространственности и урбанизации: «В то время как Н. Луман отказывается поставить пространственность на видное место в его концепции коммуникации, Г. Тард утверждает, что в современности города приобрели очень большое значение в том, что на самом деле коммуницированы (*communicated*) или, в терминологии Тарда, подвержены подражанию (*imitated*)». На повестку дня К. Борк поставил термины Г. Тарда «толпы» (которые, по Г. Тарду, – городской феномен) и «ритмы» и предлагает учитывать в общей теории общества существование толпы (р. 82).

Автор, опираясь на Жиля Делёза, критикует мнение о Г. Тарде как о представителе психологизма, выводящего все свойства индивида из социума. К. Борк акцентирует внимание на том, что поведение индивида управляет индивидуальной логикой, указывает на похожую защиту Г. Тарда Б. Латуром от необоснованных обвинений в психологизме. Н. Луман, как и Г. Тард, в своих теориях не вращается вокруг человеческого существа, «коммуникация – это коммуникация общества, а не людей» – так К. Борк разграничивает психическое и социальное. «Таким образом, согласно Н. Луману, не существует постоянных пересечений между самореферентными операциями, между психическими и биологическими системами, между сознанием и коммуникацией. Оба вида систем операционально закрыты и функционируют самоорганизующимся и автопоэтическим способом, так что сознание коммуницирует рекурсивно с сознанием, а коммуникация с коммуникацией. Таким образом, эта операциональная закрытость не значит, что психические и социальные системы полностью независимы друг от друга. Наоборот, Н. Луман подчеркивает их взаимные отношения на основе концепции взаимопроникновения, ссылаясь на то, как каждая система помещает свои сложности в другие, тем самым производя их взаимные эволюции, коэволюцию». Н. Луман позволяет сделать два важных шага в понимании Г. Тарда: «Коммуникация имеет свою основу в коммуникации, а подражание происходит из подра-

жания. Конечно, изобретение впервые было подражанием». Также «можно утверждать, что анализ Г. Тардом связи между подражанием и изобретением является структурно эквивалентным одновременным самореферентным и взаимозависимым психическим и социальным системам». По мнению К. Борка, Г. Тард создал две социологии коммуникаций: «социологические программы, которые принципиально основаны на концепции коммуникации», и социология, «изучающая как развиваются конкретные способы коммуникации» (р. 83–86).

К. Борк пытается ввести в изучение толпы пространство, которого нет в теории Н. Лумана, и отмечает «пространственный поворот» в социологии Г. Тарда, заключающийся в том, что он рассматривает город как закрепляющий подражание, фокусируяется на коммуникации и урбанизации, «редкой даже для современных стандартов». Автор показывает на достоинства Г. Тарда в том, что он свои воззрения на подражание, пространственность и урбанизацию включает в свою теорию социальной модернизации. Подражание происходит от внешнего к внутреннему (например, имитация идей происходит до имитации их выражения), от старшего к младшему по той или иной иерархии (например, от отца к сыну). Однако в эпоху модерна изменилось направление подражания – оно идет не обязательно от старшего к младшему. К. Борк приводит пример городов, распространяющих общественные вкусы, подражание происходит городам (р. 86–89).

К. Борк показывает достоинства социологии толпы Г. Тарда, приводя цитаты Г. Тарда об аналогиях подражания в толпе и в семье. Различия только в пространственности. При пересказе теории Г. Тарда подчеркивается, что толпа – это одновременно и социальное, способствующее воспроизведению каждого дня порядка в городе, и деструктивное антисоциальное явление, что К. Борк называет «парадоксом социального» (р. 89–92).

В последней части статьи К. Борк исследует концепт ритма и пишет о необходимости анализировать ритмы городской жизни. Необходимо изучать периодические спады и подъемы подражания – «ритмические повторения» и «ритмические колебания» подражаний, как говорил Г. Тард. К. Борк обращает внимание на мнение Г. Тарда о необходимости исследовать ритмы разных общественных явлений двойными оппозициями, от «инфляция – дефляция» до «радость – печаль». Ритмы, по Г. Тарду, включают такие стадии,

как адаптация, оппозиция, подражание; К. Борк приводит также в пример исследования ритмов Анри Лефевром, где в циклах выделяются повторения, разрывы и неожиданности. В каждом городах ритмы текут по-разному, автор дает примеры разных ритмов жизни городов Средиземноморья. Автор приводит теории власти Николаса Роуза для исследования подражания. В заключение автор говорит о том, что ритм-анализ позволяет выявить структуру подражания, и показывает его родственность с социологией толпы (р. 92–95).

Borch C.
**Between destructiveness and vitalism:
Simmel's sociology of crowds (2010)**

В статье К. Борк исследует проблему толпы в социологии Г. Зиммеля. В то время как в XIX в. исследователи толпы акцентировали внимание на ее деструктивности, в поздних работах Г. Зиммель указывал на положительные функции толпы.

Зиммель использовал в своих работах учения многих современных ему исследователей толпы, писал о гипнотических внушениях, изучал подражание. Немецкий социолог позаимствовал у Г. Лебона положение о том, что в толпе у людей снижаются индивидуальные интеллектуальные и этические качества, что он называл «социологической трагедией». С эволюционной точки зрения толпа действует под воздействием внушения, однако самого нижнего уровня качества людей достигают в толпе, совершающей совместное, общее для всех действие. Толпа не управляет с помощью образования и рациональных аргументов. Борк указывает на положительную оценку классификации толп в теории Г. Лебона.

Далее Борк рассматривает, как Зиммель изучает деструктивность толпы, отталкиваясь от позиции Ш. Сигеле. В толпе люди ведут себя деструктивно вследствие нервного перевозбуждения и непосредственной близости друг к другу.

Зиммель также учитывал, что толпа в его время более была столичным явлением. Борк считает, что Г. Зиммель говорил о позитивной роли толпы для общества (она преобразует общество из имеющегося состояния в идеальное).

Borch C.
Crowds and pathos:
Theodor Geiger on revolutionary action (2006)

К. Борк предлагает новое прочтение наследия немецкого (позднее датского) социолога Теодора Гайгера (1891–1952), который исследовал толпу в связи с революциями, сравнивая его теоретические построения с современными теориями Майкла Хардта и Антонио Негри в контексте рассуждения о революции. «Согласно Т. Гайгеру, исследование революционных трансформаций не может быть отделено от масс и толп». Наследие Гайгера нельзя, по мнению К. Борка, отнести к какому-то одному направлению вроде «функционализма», «позитивизма», «феноменологии» и т.д. (р. 5–6).

Автор анализирует книгу Т. Гайгера «Толпа и ее действие. Вклад в социологию революций» (1926) [Geiger, 1967]. Аналогично многим другим исследователям толпы, Гайгер рассматривает ее как деструктивное иррациональное явление: в толпе люди способны делать то, что никогда не сделали бы поодиночке. Т. Гайгер исследует толпу более социологически, нежели психологически, как это делал Г. Лебон. Т. Гайгер рассматривает толпу как социальную группу. «Для понимания специфического группового порядка» немецкий социолог разграничивает два принципа: *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. «*Gemeinschaft*, – говорит Т. Гайгер, – является психологической связью между членами коллективного существа... *Gemeinschaft* выражает то, каким образом отдельные члены принимают участие или совместно определяются в „Мы“-группы. По мнению Т. Гайгера, эта привязанность на основе *Gemeinschaft* возможна, только если она будет дополнена вложением порядка, *Gesellschaft*». «Основное положение в том, что при переходе из общества премодерна в современность на основе классов значение прошлых сообществ (*Wertgemeinschaft*) аннулируется». «Эти два принципа четко доведены до ума Фердинанд Тённис». Т. Гайгер сужает понятие толпы до революционных образований: толпа – это «общественное объединение, которое является деструктивно-революционной индуцированной множественностью и для которой никогда не существовало определенного имени». К. Борк пишет о теории Гайгера: «Общество разделено на два класса... буржуазию и пролетариат. Буржуазия, консервативный класс из немногих, пытается остаться у власти и пропагандировать ценно-

сти, представленные ей как ценности всего общества. Пролетариат, с другой стороны, прогрессивный революционный класс из многих, не принимает эту асимметричную структуру власти и отказывается быть просто объектом класса буржуазии. Это то, что делает пролетариат „человеческим материалом объединения общества в толпу”». Гайгер утверждает что сам пролетариат – это еще не толпа, чтобы стать толпой, должны пройти три стадии. Первая – люди как механистическая техническая множественность, затем они должны объединиться в группы вроде профсоюзов, и потом только пролетариат станет революционной толпой. Гайгер различает толпу в двух стадиях: активной и латентной. В латентной она не действует, а в явной «взрывается». Таким образом, «не революция генерирует толпу, а толпа взрывается в революции». Так разграничиваются пролетарские организации и толпа пролетариата. К. Борк пишет, что, по Т. Гайгеру, «несоответствие между ценностями общества и его „социальной формой” приводит к революциям. Под социальными формами он понимает „совокупность общительных человеческих творений, которые активны в данный момент”. Эти социальные формы, как говорят, „ценостно-нагруженные”, т.е. они соответствуют первоначально ценностям социальной жизни. Значения непрерывно эволюционируют, утверждает Т. Гайгер. Это отделяет их от социальных форм, которые характеризуются „закономерной заносчивостью”, частично подразумевая, что они только очень нерешительно дают почву для новых социальных форм, и частично, что они обычно не могут быть изменены, а внезапны. Кроме того, поскольку значения изменяются быстрее, чем социальные формы, последние могут потерять смысл. Они могут просто потерять свои первоначальные соответствия значениям». Из-за таких несоответствий и происходят революции. Таким образом, по Т. Гайгеру, революция – это не только штурм Бастилии, но и предшествовавшее ему Просвещение. Т. Гайгер интересуется, как толпа может перейти из пассивной в активную стадию, и отвечает: в слу-чаях событий, повышающих ненависть к буржуазии (вроде войны и голода), и при участии побуждающего взрыв лидеров (р. 7–10).

К. Борк указывает на достижения Т. Гайгера относительно стратификации. По Гайгеру, «современное общество дифференцировано в соответствии с двумя измерениями. Это, во-первых, разделение на страты. Вертикальная стратификация рассматривается теоретически и эмпирически в ряде книг Т. Гайгера», в том числе в

учебнике по социологии и исследовании «Классовое общество и плавильный котел» (1939) [Geiger, 1939; Geiger, 1949]. Учитывается и деление на классы (р. 10–11).

Далее К. Борк исследует книгу Т. Гайгера «Общество между пафосом и трезвостью» (1960) [Geiger, 1960]. В этой книге Т. Гайгер анализировал пафос современного общества и пошел по пути опровержения культурной критики О. Шпенглера, К. Ортеги-и-Гассета и др., которые предрекали гибель современной цивилизации из-за возникновения массового общества. Гайгер не соглашается с этим и говорит, что, напротив, толпа может иметь положительные качества, призывает «к освобождению от *Gemeinschaft*, которое отмечается как главное лекарство предполагаемого бедствия». «Освобождение от *Gemeinschaft* предполагает освобождение от определенных форм эмоционального коллективизма», – пишет К. Борк. «По словам Гейгера, существует два типа коллективных чувств, соответствующих тому, что он называет первичными и вторичными группами. В первичных группах люди тесно связаны, коллективные чувства принимают форму сочувствия. Общественный порядок характеризуется функциональной дифференциацией и дальними социальными отношениями; вторичные группы, напротив, не основываются на симпатии как доминирующей силе. Здесь общие чувства выражаются или медируются через пафос общего объекта». По такой методологии Т. Гайгер изучал национализм и классы, приходил к выводу, что пафос коммун (*communal pathos*) «коренится, в частности, в концепции ценностей», например ценность нации для национализма. При этом каждое сообщество относится антагонистически к другим ценностям (р. 11–13).

В конце статьи автор сравнивает взгляды Т. Гайгера с М. Хардтом и А. Негри, указывает на достоинства Гайгера, в отличие от Хардта и Негри, учитывавшего латентную и активную фазы толпы (р. 13–15).

Borch C.
Crowds and total democracy:
Hermann Broch's political theory (2006)

В этой статье К. Борк рассматривает теорию писателя и философа Германа Броха, исследовавшего массовый фактор в поли-

тике в XX столетии. Г. Брох (1886–1951) родился в Вене в еврейской семье, за что был преследуем гестапо. На исследования Броха повлияла его биография – жизнь перед и во время Второй мировой войны. В начале статьи автор пересказывает ряд положений о рациональности в политике и ее отсутствии в трудах М. Хардта, А. Негри, Ш. Муфф, Э. Канетти, З. Фрейда. Борк предлагает интегрировать исследования рационального и нерационального измерений политики из трудов Муфф и Броха. Автор подчеркивает, что в теории Броха обращается внимание на политico-психологический аспект проблемы массы на внутриличностном уровне (р. 99–101).

Г. Брох исходит из идеи, что первично человек действует в зависимости от инстинктов, как животное, человек подвержен «туманам» и «сумеркам». Среди источников учения Броха перечисляются Шопенгауэр, Хартман, Бергсон, Фрейд, Тард. Г. Брох, как и психологи толпы XIX в., согласен с тем, что «туманное состояние» появляется у людей в толпе. Однако, в отличие от животных, человек способен контролировать свое поведение. Брох считает, что исследовать людей в толпе нужно не путем анализа некоего «общего ума», а методами индивидуальной психологии, соединить исследование с теорией ценностей, ведь «всякое мышление направлено на состояние, называемое истиной». Вся жизнь направлена на те или иные ценности. У человека есть фундаментальное свойство – тянуться к жизни и отгонять смерть. К. Борк так описывает психологическую теорию Броха: «Это стремление сталкивается с... эго. Мир за пределами эго, не-эго, не несет никакой ценности и представляется как угроза самолюбию. Не-эго может быть включено в эго, хотя это вызовет „расширение эго“. С другой стороны, если эго лишено некоторого значения, оно сокращается („сокращение эго“). Оба процесса выражаются в значительных психологических эффектах. Из-за расширения эго возникает экстаз, и в конечном счете полный экстаз, если включается все в мире, что за пределами эго. Причина в том, что расширение эго наделяет человека ощущением того, что он бессмертен (победа над смертью). Сжатие эго, напротив, создает панику, так как эго приближено к одиночеству и в конечном счете смерти». Человеку свойственно расширять эго, что возможно как материально (принятием пищи и материальных благ), так и нематериально (символически). В случае сокращения эго, как материального, так и символического, начинается паника. Механизмов

отогнать страх смерти два: «иррациональное обогащение» – через сублимацию и «рациональное обнищание» – когда человек оказывается неспособен к коллективному поведению и наследует коллективные инстинкты. Чередование двух этих явлений составляют политические циклы, и объяснение этих циклов связано с теорией ценностей. Брох составляет теорию из четырех элементов цикла.

- Центральная или центростремительная система, когда она обеспечивает надежную основу для культуры. Такие системы более полагаются на дедуктивные ценности и закрыты.

- На второй стадии ценности оказываются гипертрофированными и прекращают соответствовать реальности.

- Далее эта система дестабилизируется ввиду несоответствия ценностей и реальности, наступает третья стадия.

- На четвертой и последней стадии центростремительная система распадается, начинается анархическая «борьба за власть различных подсистем, до сих пор которые сдерживались центральной системой».

Регулировать процесс возможно путем экономического перераспределения так, чтобы отвлечь неприязнь к лидеру, несущему ответственность за процессы, из-за которых чувствуется неудовлетворенность (р. 101–104).

Далее Брох пытается найти средства для предотвращения массовых обществ. Решение проблемы видит в создании новой теории демократии, демократии как борьбы против массовой аберрации. Он говорит, что найти такое лекарство будет очень сложно, если не невозможно, однако нужно попытаться это сделать хотя бы теоретически. Брох предлагает отказываться от «воинствующего пацифизма» (это закрытая система ценностей), вместо закрытых систем ценностей создавать открытые (которые, как наука, «проходят эволюционный путь и готовы к самокритичным корректировкам»). Брох применяет медицинскую терминологию – массовая мания называется патологией, борьба против них – политической медико-санитарной помощью, предотвращение формирования масс – профилактикой, высвобождение человека из массы – терапией. Применяется и религиозная терминология, когда фашизм считается новой версией язычества, а демократия – новым протестантизмом (р. 105–109).

Среди достоинств учения Броха К. Борк отмечает внимание к тому, что в политике человек часто оказывается нерациональ-

ным существом. Автор предлагает интегрировать учение Броха об открытых и закрытых системах и системную социологию Н. Лумана (р. 109–115).

Borch C.
Modern mass aberration:
Hermann Broch and the problem of irrationality (2008)

В статье К. Борк рассматривает изучение толпы австрийским писателем и философом Г. Брохом в его книге «Теория массового заблуждения» [Broch, 1979] (р. 63–64).

Автор рассматривает исторический контекст, в котором появилось учение Г. Броха. Книга состоит из трех частей: о «сумеречном» государстве, его модели эго, полученной из теории ценностей; об условиях возникновения массы; и о путях предотвращения массы (р. 64–66).

Далее автор пересказывает теорию Г. Броха, упоминая сходства его учения с другими, например Э. Канетти и теоретиков демократии (р. 66–78).

Borch C.
Body to body: On the political anatomy of crowds (2009)

В статье К. Борк исследует телесный (биополитический) аспект толпы и ее функции. Расистскую теорию Г. Лебона и его психологию толпы, в которой «формируется новое тело», К. Борк рассматривает как теорию, подобную биополитике М. Фуко. В обеих теориях рассматривается телесный аспект политики (р. 273–275).

Далее К. Борк снова рассматривает проблему рациональности и нерациональности толпы в истории изучения проблемы, указывает на то, что в европейской традиции (Г. Лебон) толпа рассматривается как иррациональная, в американской (Р. Парк, Р. Тернер, Р. Берк, Ч. Тилли) рассматривают толпу более как рациональное явление. Р. Берк утверждал, что поведение толпы может объясняться с помощью теории игр (р. 275–278).

К. Борк утверждает, что на учение Р. Парка оказал влияние Уолт Уитмен. В то время как многие подчеркивали в толпе ее ди-

кость и разрушительность, Уитмен говорил о ее очаровательности, говорил о связи толпы и сексуальности в том смысле, что образование толп происходит в случаях, когда люди, страдая ненасытными сексуальными желаниями, вытесняют сексуальное поведение в публичную сферу. Сексуальность следует учитывать при исследовании поведения толпы (р. 278–282).

Далее автор исследует власть, демократию и индивидуальность и обращается к позиции Э. Канетти, который полагал, что присутствие лидера в толпе необязательно, толпы могут существовать без лидеров. Канетти писал о неодинаковости индивидуального поведения и поведения в толпе. По теории Б. Сидиса, индивидуальность сокращается при телесном соприкосновении. Канетти считает, что толпа обладает позитивными функциями, поскольку многие демократические преобразования осуществились в результате ее действий (р. 282–286).

Borch C.
**Crowds and economic life:
 Bringing an old figure back in (2005)**

Кристиан Борк начинает свою статью с упоминания акторно-сетевой теории Бруно Латура, «возобновляющей битву между главными фигурами французской социологии конца XIX в., Габриелем Тардом и Эмилем Дюркгеймом», в которой Б. Латур занимает позицию Г. Тарда. К. Борк тоже занимает позицию Г. Тарда, говоря о ней как о «утонувшей в социологическом забвении XX века», предлагает использовать традицию толпы в экономической социологии (р. 1–2). Автор прямо указывает на то, что не имеет своей целью сделать традицию толпы центральной в социологии и все экономическое поведение объяснять исключительно ей, но говорит о возможностях использовать эту традицию для исследования экономического поведения и с тем, чтобы сделать вклад в дискуссии, например об эмоциях и рациональности (р. 2–3).

Далее автор говорит о книгах XIX в., где исследуется толпа, – «Толпа» Гюстава Лебона (1895), «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» Чарльза Маккея (1852). К. Борк перечисляет более современные исследования, использующие смысл толпы и учитывающие эмоции для исследования рыночного пове-

дения людей. Автор приводит идеи из книги «Масса и власть» Элиаса Канетти по изучению инфляции по аналогии с толпой, говорит о психологических качествах денег, их социальном, символическом и культурном значениях в противоположность пониманию денег Георгом Зиммелем.

Borch C.
**Crowds and economic life:
Bringing an old figure back in (2007)**

В статье К. Борк пытается возобновить использование традиции толпы в экономической социологии. Автор утверждает: «Согласно поведенческой финансовой теории, рынки главным образом отражают поведение толпы в ситуациях чрезмерных колебаний». Толпе свойственны внушаемость и поведение, аналогичное «эпидемии», «заражению». Методологически метафора толпы улучшает понимание экономической жизни (р. 549–552).

К. Борк называет современных исследователей финансовых рынков, работающих в традиции социологии толпы. Это «Рыночные толпы» У. Стахели [Stäheli, 1981] и «Разум рынка» Ч. Смита [Smith, 1981], «ставшей классикой в экономической социологии». В теории Ч. Смита утверждается, что условно типы профессиональной ориентации рынков можно разделить на такие модели, как фундаменталист, инсайдер, велосипедист и торговец, однако возможно их сочетание. В рыночном поведении людям свойственно следовать лидеру, как и в толпе. Борк называет также среди современных исследований «Рынок как коллективное поведение» П. и П. Адлеров, «Торговую площадку и динамику толпы» У. Бейкера, исследования рынка Ж.-П. Хассуна, «Иrrациональное изобилие» Р. Шиллера [The social dynamics of financial markets, 1984; Baker, 1984; Hassoun, 2005; Shiller, 2000]. По мнению последнего, рынок не может быть только иррациональным, основанным на эйфории, в нем всегда присутствует как рациональное, так и нерациональное (р. 552–560).

К. Борк заканчивает статью рассуждением о внушаемости, рациональном и нерациональном в экономической жизни (р. 561–566).

Arnoldi J., Borch C.
Market crowds between imitation and control (2007)

Я. Арнольди и К. Борк рассматривают связь подражания и контроля в «рыночных толпах»: «Вопрос, который рассматривается в данной статье, – это отношения между индивидуальным agency и поведением толпы». По мнению авторов, рыночное поведение не ограничивается механизмами толпы: «Мы покажем, что существуют также социальные нормы, социальные иерархии и социальные стратегии в игре на рынке толпы. Это приводит нас к утверждению, что финансовые рынки характеризуются постоянным колебанием между преднамеренной стратегией контроля и непреднамеренным подражанием толпы». Авторы стремятся исследовать, будет ли работать у человека контроль в той или иной ситуации или же он будет подвержен массовому поведению: «Может показаться, что наши усилия касаются вопроса о structure and agency, но мы думаем, что нет. Из наблюдений за рыночной толпой возникает вопрос не о том, действуют ли индивиды умышленно или в соответствии с общими нормами или институциональными структурами. Вопрос, скорее, в том, действуют ли они атомистически или как члены определенной толпы». Для решения этой проблемы используется сетевая теория К. Уайта [White, 1988]. Согласно ей, экономические акторы включены в сеть и интенциально привыкли действовать в ней; каждый агент имеет собственную идентичность, дискретен в сети и контролирует свое положение. Исследование эмпирическое, материалы получены методом интервью (р. 164–166).

Далее автор рассуждает о механизмах толпы в финансовых рынках, рациональности в поведении в толпе, снова пересказывая социологию толпы (р. 166–170).

Далее авторы пытаются применить сетевую теорию К. Уайта для исследования рынка. Согласно этой теории каждый человек в современном мире, жизни в котором присущ стохастический характер, подвержен влиянию большого количества сообщений. На вопрос о том, как справиться с таким потоком сообщений, можно ответить по-разному: либо как классическая социология традиции Э. Дюркгейма – Т. Парсонса – человек будет руководствоваться правилами и нормами; либо в традиции социологии толпы, про-

изойдет имитация. Имитация зависит от позиций актора в сети (р. 171–173).

Излагая результаты своего эмпирического исследования, авторы пишут, что фактическая (и особенно физическая) близость к тем или иным рынкам делает людей подверженными подражанию, но также участники рынка «пытается осуществлять контроль через разные формы связей». Так, больше всего контроля проявляют люди при оценке заказов. В реальной жизни две противоположные тенденции – подражания и контроля – очень сильно дополняют друг друга. Подражание – это случаи, когда, например, коллективно назначаются цены на товар, что часто происходит в условиях неопределенности. Контроль чаще возникает при конфликтах на рынке. Иногда контроль бывает коллективным. Иногда бывает преднамеренное подражание в качестве контроля, и это противоречит Г. Тарду (р. 173–176).

Список литературы

- Baker W.E.* Floor trading and crowd dynamics // The social dynamics of financial markets / Adler P.A., Adler P. (eds). – Greenwich, CT: Jai Press, 1984. – P. 107–128.
- Broch H.* Massenwahntheorie: Beiträge zu einer Psychologie der Politik. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979. – 582 S.
- Geiger T.* Die Gesellschaft zwischen Pathos und Nüchternheit. – Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1960. – 255 S. – (Acta Jutlandica, Publications of the University of Aarhus).
- Geiger T.* Die Klassengesellschaft im Schmelzriegel. – Cologne: Verlag Gustav Kiepenheuer, 1949. – 228 S.
- Geiger T.* Sociologi. Grundris og Hovedproblemer. – Copenhagen: Nyt Nordisk Forlag, 1939. – 733 S.
- Geiger Th.* Die Masse und ihre Aktion. Ein Beitrag zur Soziologie der Revolutionen. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1967. – VIII, 194 S.
- Hassoun J.-P.* Emotions on the trading floor: social and symbolic expressions // The sociology of financial markets / Knorr Cetina K., Preda A. (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 102–120.
- König H.* Wiederkehr des Massethemas? // Masse – Macht – Emotionen: Zu einer politischen Soziologie der Emotionen / A. Klein, F. Nullmeier (eds). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999. – P. 27–39.
- Lang K., Lang G.E.* Collective dynamics. – N.Y.: Thomas Y. Crowell, 1961. – 563 p.
- Olson M.* The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. – Cambridge: Harvard univ. press, 1965. – x, 176 p.

- Park R.E.* The crowd and the public and other essays. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1972. – xxxii, 146 p.
- Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the science of sociology. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1921. – xxi, 1040 p.
- Shiller R.J.* Irrational exuberance. – Princeton, NJ: Princeton univ. Press, 2000. – xxi, 296 p.
- Sidis B.* The psychology of suggestion: A research into the subconscious nature of man and society. – N.Y.: D. Appleton and Company, 1898. – x, 386 p.
- Smelser N.J.* Theory of collective behavior. – N.Y.: Free press, 1962. – xi, 436 p.
- Smith C.W.* The mind of the market. A study of stock market philosophies, their uses, and their implications. – Totowa, NJ: Rowman and Littlefield, 1981. – 218 p.
- Stäheli U.* Market crowds // *Crowds* / J. Schnapp, M. Tiews (eds). – Stanford: Stanford univ. press, 2006. – P. 271–288.
- The social dynamics of financial markets / Adler P.A., Adler P. (eds). – Greenwich, CT: Jai Press, 1984. – x, 212 p.
- Turner R.H., Killian L.M.* Collective behavior. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1957. – 547 p.
- White H.C.* Varieties of markets // *Social structures: A network approach* / B. Wellman, S.D. Berkowitz (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. – P. 226–60.
- Zizek S.* Organs without bodies: Deleuze and consequences. – N.Y.: Routledge, 2004. – xii, 217 p.